

Памяти Натальи Самутиной

Борис Степанов

Центр исследований современной культуры, Институт гуманитарных
историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Не стало Натальи Самутиной, друга и соучастника. Человека, редким образом сочетающего безупречный вкус со вкусом к жизни во всех ее проявлениях. Ее разговоры и остроумные посты, в которых она открывала «фантастический мир каждого дня» и щедро делилась им, теперь остаются достоянием благодарной памяти. Тяжелая болезнь, с которой Наталья мужественно боролась почти 10 лет, не только не убила, но обострила это жизнелюбие. В долгой шахматной партии Рыцаря со Смертью силы были неравны, но за Рыцарем были стойкость и присутствие духа.

Почти всю свою жизнь в науке Наталья посвятила созданному в Высшей школе экономики Ириной Савельевой и Андреем Полетаевым Институту гуманитарных историко-теоретических исследований, в котором работала со дня его основания. Она высоко ценила и культивировала дух «единства непохожих», атмосферу дружбы, взаимного уважения и интереса, существовавшие в этом программно-междисциплинарном сообществе. Ее организаторским способностям во многом обязаны своим успехом семинары, бывшие в 2000-е годы визитной карточкой ИГИТИ и заметным явлением в интеллектуальной жизни Москвы. Со временем по инициативе Натальи в институте был создан Центр исследований современной культуры, ставший заметной точкой не только на российской, но и международной карте культурных исследований. Благодаря ее курсам о современной культуре, кинематографе и музыке, фанатах и аудиториях, проектам, посвященным московским публичным пространствам, граффити и стрит-арту, культурам соучастия, вокруг современных исследований культуры создавалось поле притяжения как в университете, так и за его пределами, формировались ориентиры для новых поколений исследователей.

К сожалению, Наталья не оставила после себя книги, сколько-нибудь полноценно представлявшей ее как исследователя. Однако для тех, кто ее знал, несомненно — при всем разнообразии ее интересов — цельность интеллектуального проекта, трагически оборвавшегося на взлете. Научное творчество Натальи Самутиной стало заметным вкладом в формирование культурных исследований в России. Его отправная точка — дискуссии о возможности культурологии/науки о культуре как исследовательского направления, которые были инициированы в Институте Европейских культур с легкой руки Бориса Дубина, Льва Гудкова и Галины Зверевой. Становление культурологии как учебной дисциплины, которая, как и другие постсоветские дисциплины, несла на себе печать идеологии и элек-

тики, оказалось во второй половине 1990-х годов вызовом для молодых культурологов, искавших свой путь в науке. Ценностный выбор Натальи здесь был неоднозначным: тема ее диссертации — образ Европы в современном авторском интеллектуальном кинематографе. За этим выбором просматривается страстное стремление к поиску альтернативы тем процессам продолжения и мутаций советского образа жизни и «человека советского», ранние стадии которых мы наблюдали в это время¹. Однако в этом горизонте европейского авторского кино находилось место и культурному Другому: не случайно одна из первых ее статей была посвящена «западно-восточному синтезу» в «японском» фильме Питера Гринуэя «Интимный дневник». Выбор авторского кино можно было бы счесть элитистским, если бы не поддержанное Борисом Дубиным стремление вписывать анализ кинотекстов в широкую культурную перспективу становления объединенной Европы и рассматривать авторский кинематограф в рамках кино как социального института. Это отличало работы Натальи от множества кинокритических текстов этого времени. «Движущаяся точка современности» была тем, что определяло для Натальи и объект ее исследования, и ее научные ориентиры.

Следуя интересу к кино как к феномену современности, Наталья Самутинова ориентировалась на актуальные дискуссии в западной кинотеории², в центре которых в конце 1990-х — 2000-е годы оказался кризис кинематографа как ключевого медиа для культуры XX века, его судьба в новом медийном окружении. Все меньший интерес для нее представляли конкретные тексты, все больший — разнообразие кинематографического опыта, связанных с кино эмоций, практик его потребления. Наряду с ее собственными статьями этого периода по теории кино квинтэссенцией этого взгляда стал вышедший под ее редакцией сборник «Фантастическое кино: эпизод первый». Став местом встречи классиков киноисследований и российских авторов, увлеченных редактором в поле исследований кинофантастики, книга представляла фильмы этого жанра в разных аналитических перспективах, вскрывала не только значение фантастики в развитии кино, но и ее роль как одного из важнейших пространств социального воображения. Следующим шагом в освоении маргинальных для классической кинотеории пространств должен был стать проект по изучению культового кино, статус которого определялся не художественными достоинствами фильмов, но был преимущественно результатом рецептивной активности зрителей. Этот проект так и не был завершен, однако обозначил один из путей, которые вели Наталью Самутину от изучения кинотеории к сюжету, ставшему центральным для нее в последние годы — исследованиям популярной культуры и культур соучастия.

1. В этом неприятии она была весьма последовательна. В одном из наших последних разговоров Наталья искренне удивлялась сегодняшней востребованности постсоветской тематики, которая, как ей казалось, происходит в ущерб интересу к актуальной современной культуре.

2. В нашей традиции для Натальи важным ориентиром стала концепция коммуникативного образа Олега Аронсона, сборник статей которого вышел под ее редакцией в серии «Кинотексты» издательства «Новое литературное обозрение».

Важную роль в повороте к этим исследованиям сыграли два биографических обстоятельства, которые впоследствии оказались конвертированы в исследовательский опыт. Прежде всего это опыт путешествий в города «прекрасной Европы», который стал импульсом интереса к теме визуальной организации и антропологии городских публичных пространств. Так возник проект исследования парка и музея Царицыно, предвосхитивший всплеск интереса к урбанистике, случившийся в России на рубеже 2010-х годов. Следом за ним был реализован новаторский для культурных исследований в России проект по изучению граффити и стрит-арта как явлений современной городской культуры. Важной опорой для анализа и в том, и в другом случае стал опыт осмыслиения кино как «точки сборки» городского опыта. Вторым важным фактором стал опыт общения в «Живом журнале» — он оказался для нее не только средством создания собственной среды, но и отправной точкой на пути к изучению сообществ, складывающихся вокруг культурных пристрастий самого разного порядка, — от групп поклонниц звезды фильма «Сумерки» Роберта Паттисона до «великих читательниц» фанфикшн, от собирателей манги до любителей барочной музыки.

Оставляя позади и кино как основной объект интереса, и теорию как тип исследовательского письма³, она погрузилась в эмпирическое исследование фан-сообществ. Подобно классическим проектам Генри Дженкинса, Мэтта Хиллса и других создателей fan-studies, этот этнографический проект приоткрывал новые пласти социальной жизни, складывавшиеся во многом поверх социальных и возрастных стратификаций, институциональных рамок и культурных иерархий, национальных границ. Часто избегая внимания массмедиа и формируя альтернативные системы коммуникации, эти сообщества производят гигантских масштабов интерпретации, поддерживают и развиваются воображаемые миры, которые оказывают все большее влияние на текущую культурную повестку. Эта работа оказалась оченьозвучной российской ситуации 2010-х годов, когда экспансия новых культурных платформ и социальных сетей обозначила разрыв между официальными медиа и альтернативными публичными площадками, вдохнула жизнь в призрак «семиотической герильи»⁴, всплеском которой столь обеспокоены сегодня российские власти. Однако в центре внимания Натальи были не политические, но именно культурные аспекты творческой активности этих сообществ, осуществляющейся в ситуации конвергенции различных медиа. Внимание к этим моментам позволяло поставить под вопрос шаблонные представления о бытовании культуры, лучше понимать источники солидарности представителей этих новых общностей и значение разнообразных неклассических артефактов, которые волны времени оставляют на отмели сегодняшнего дня.

3. Свои работы 2000-х Наталья в последние годы снисходительно считала несколько тяжеловесными, притом что ее тексты всегда были профессионально сделаны — как содержательно, так и литературно.

4. В статье о «великих читательницах», посвященной феномену многочисленных сообществ фанфикшн, Наталья писала о «демократии чтения».

Традиция исследований популярной культуры, которую разрабатывала Наталья, по-прежнему имеет проблематичный статус как для гуманитариев, так и для социальных исследователей. В то время как первые считают его маргинальным с точки зрения тех канонов, которые производятся культурными институциями, для вторых неочевиден социальный вес этих явлений, их место в публичном пространстве, их влияние на развитие общества, а их эфемерность ускользает от надежных методов. Такого рода вопросы правомерны, они продолжают дискуссии о культурном популизме и «декоративной социологии», ведущиеся с тех пор, как культурные исследования стали претендовать на статус альтернативного проекта изучения современного общества — как между социологами и культурологами, так и между представителями разных течений в исследованиях культуры. Однако кажется несомненным, что работы Натальи Самутиной могут рассматриваться в контексте этих дискуссий как образцовые — как с точки зрения чувствительности к культурному перву современности и внимания к ее непроявленным, проблемным зонам, так и с точки зрения демонстрации возможности изучать социальные процессы не просто качественными методами, но сквозь призму культурных текстов, рассматриваемых с учетом всех особенностей их социального бытования. Не случайно ее работы, посвященные культурам соучастия, написанные преимущественно на российском материале, но в транснациональной перспективе, получили признание у исследователей популярной культуры по всему миру⁵.

В последние два года у Натальи было запланировано несколько путешествий с лекциями и выступлениями — в Токио, Торонто и Беркли, которые она была вынуждена отменить из-за болезни и пандемии. Теперь она отправилась в свою космическую Одиссею — к вратам Тангейзера, за пределы бесконечности, оставив нам космос как предчувствие.

Мемориальная страница Натальи Самутиной: <https://igit.hse.ru/NVSamutina>.

Наиболее значимые публикации Натальи Самутиной

- Фантастическое кино. Эпизод первый: Сборник статей / Под ред. Н. В. Самутиной. Серия «Кинотексты». М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Царицыно: аттракцион с историей / Отв. ред. Н. В. Самутина, Б. Е. Степанов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Ускользающие читатели: трансформации популярной культуры на русском языке как вызов исследователям литературных практик // Russian Literature. 2020. Vol. 118. № 4. С. 1–24.
- Японские комиксы манга в России: введение в проблематику чтения // Новое литературное обозрение. 2019. № 6. С. 307–321.

5. Важно и то, что работы Натальи получили свой отклик у представителей тех сообществ, которые выступали предметом ее изучения.

- Пружинки Гамбурга: граффити-райтер Oz и невидимое сообщество видящих // Микроурбанизм. Город в деталях / Отв. ред. О. Н. Запорожец, О. Е. Бредникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 316–345.
- An Eighteenth-Century Theme Park: Museum-Reserve Tsaritsyno (Moscow) and the Public Culture of the Post-Soviet Metropolis // Urban history. 2018. Vol. 45. № 1. P. 74–99. (With B. Stepanov)
- Emotional Landscapes of Reading: Fan Fiction in the Context of Contemporary Reading Practices // International Journal of Cultural Studies. 2017. Vol. 20. № 3. P. 253–269.
- Fan Fiction as World-Building: Transformative Reception in Crossover Writing // Continuum: Journal of Media & Cultural Studies. 2016. Vol. 30. № 4. P. 433–450.
- Berlin, the City of Saturated Walls // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2015. № 2. P. 36–61. (With O. Zaporozhets)
- Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. № 3. С. 137–194.
- Трансформация объекта как вызов науке о кино // Новое литературное обозрение. 2011. № 109. С. 62–81.
- Раннее кино как теория настоящего // Киноведческие записки. 2010. № 94. С. 5–34.
- «Cult camp classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 490–536.
- За процветание Швеции! Культовое кино и его нестандартный зритель // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. С. 108–123.
- Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино / Высшая школа экономики. Серия WP6 «Гуманитарные исследования». 2007. № 01.
- Авторский европейский интеллектуальный кинематограф как европейская идея // Киноведческие записки. 2002. № 62. С. 60–72.